

**ПОД НЕБОМ ЮЖНОЙ АЗИИ. ХУЛА И ХВАЛА: КОММУНИКАТИВНЫЕ
МОДАЛЬНОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО И КУЛЬТУРНОГО СВОЕОБРАЗИЯ /**

Рук. проекта И.П. Глушкова; отв. ред. Е.Ю. Ванина;
Ин-т востоковедения РАН. М.: Наука – Вост. лит., 2017. 927 с.: ил.
ISBN 978-5-02-039789-7

© 2018

Н. А. ЖЕЛЕЗНОВА

Институт востоковедения РАН
E-mail: njheleznova@mtunet.ru

DOI: 10.7868/S0869190818030238

В октябре 2017 г. вышел в свет очередной, четвертый том проекта “Под небом Южной Азии”, озаглавленный “Хула и хвала: коммуникативные модальности исторического и культурного своеобразия”. Руководит данным проектом И.П. Глушкова, чьими усилиями (при активном участии Е.Ю. Ваниной и С.Е. Сидоровой) ежегодно проводились конференции, объединяющие общим названием “Под небом Южной Азии”, с уточняющей темой – “Портрет и скульптура”, “Движение и пространство” и т.д. Выступления и доклады на конференциях затем в значительно расширенном виде издавались (и эта работа продолжается – в планах организаторов еще три тома) в соответствующих томах проекта¹. Нынешний том является наиболее ярким² и интригующим, поскольку его тематика охватывает сферу человеческого общения и тем самым способов выражения эмоций. Книга содержит статьи и переводы 26 авторов. Несмотря на несколько пугающий объем книги (927 страниц), она читается легко и с большим интересом. Это объясняется помимо самой темы еще и тем, что в книгу включены художественные произведения (поэзия и проза), имеющие непосредственное отношение к рассматриваемой теме³. Кроме того, в каждом томе наличествует и визуальный ряд (цветные вкладыши, сопровождающие каждый том, а также фотографии, изображения картинок и постеров, иллюстрирующих сюжеты отдельных статей). Все это в совокупности позволяет уверенно заявить, что данное издание может быть интересно не только индологам и другим специалистам по Южной Азии, но и читателям, профессионально далеким от этого региона, однако увлекающимся разного рода “восточными

ЖЕЛЕЗНОВА Наталья Анатольевна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

¹Первый том “Под небом Южной Азии. Портрет и скульптура: визуализация территорий, идеологий и этносов через материальные объекты” / Отв. ред. и сост. И. Т. Прокофьева. М.: Наука – Вост. лит., 2014, 607 с.; второй – “Под небом Южной Азии. Движение и пространство: парадигма мобильного и поиски смыслов за пределами статичности” / Рук. проекта И. П. Глушкова; отв. ред. С. Е. Сидорова. М: Наука – Вост. лит., 2015, 911 с.; третий – “Под небом Южной Азии. Территория и принадлежность: геополитическое конструирование и субъектность восприятия обитаемых пространств” / Рук. проекта И. П. Глушкова; отв. ред. А. В. Бочковская. М: Наука – Вост. лит., 2016, 799 с.

²В прямом смысле этого слова – цвет тома насыщенно-оранжевый. К оформлению серии И. П. Глушкова подошла весьма нетривиально: все издания имеют бросающийся в глаза цвет (соответственно голубой, зеленый, фиолетовый и теперь оранжевый). Обложки книг украшают картины современного индийского художника Судхира Патвардхана (род. 1949 г.).

³Я не берусь судить о художественном достоинстве имеющихся в книге произведений – заслуживают ли они оценки “значимых произведений современности” местной литературы или нет. Важно другое – в контексте каждого раздела они выглядят очень уместными и даже красиво вписанными в общую картину, дающими более “стереоскопичное” и живое (зачастую даже более “живописное”) видение проблемы. Причем в данном томе авторам удалось избежать ошибки включения неоправданно больших художественных текстов (как это произошло во втором – “Движение и пространство: парадигма мобильного и поиски смыслов за пределами статичности”, где повесть В. Н. Пхене “Центральный автовокзал”, занимающая почти 130 с. и написанная в жанре производственного романа, ни в малейшей степени не дотягивающая до уровня произведений того же жанра (“Отель”, “Аэропорт” и “Колеса”) американского писателя А. Хейли, хотя и имеет прямое отношение к общей проблематике тома, тем не менее утомляет довольно скучным повествованием о проблемах небольшого автовокзала). Все “лирические отступления” логично дополняют и оттеняют общий ход рассуждения.

традициями”, интересующимся этнопсихологией, да и просто тем, кому любопытно сравнивать “как у нас и как у них”.

Помимо своеобразного жанрового смешения (наука вкупе с беллетристикой)⁴ книга “Хула и хвала”, как и все тома данного проекта, примечательна еще и тем, что она является выражением общей принципиальной установки руководителей авторского коллектива на применение определенного теоретико-методологического комплекса: для “Портрета и скульптуры” – теория визуальности, Visual Studies; для “Движения и пространства” – мобильный поворот/парадигма мобильности, Road Studies; для “Территории и принадлежности” – пространственный поворот, исследования территории и территориальности, Spatial/Territorial Studies.

Том “Хула и хвала”, опираясь на теорию коммуникативной модальности, стал “точкой пересечения различных дисциплин с характерными для каждой из них теоретическими постулатами, методологическими подходами и выбором материала” (с. 41). Иными словами, данный проект в целом представляет отрадное явление в отечественной гуманитарной науке, поскольку свидетельствует о том, что, несмотря на относительную “профессионально-территориальную” замкнутость ученых-востоковедов и их настороженное отношение к отвлеченным от конкретной эмпирики общефилософским дисциплинам, они все же способны проявлять научное любопытство и совершать вылазки на смежные научные “территории” – в область методологии науки, психологии эмоций, социологии знания и т.п. Такие “набеги” позволяют посмотреть на “свой” материал в ином ракурсе, с другой точки зрения и увидеть то, что ранее оставалось “за кадром” или вообще было скрыто от исследователей. Поэтому, несмотря на относительно небольшой тираж изданий томов “Под небом Южной Азии” (“Хула и хвала” вышла всего в 120 экз.), можно сказать, что этот проект знаменует определенную веху отечественной восточной науки и по жанру, и по материалу, и по масштабу.

Особо хочется отметить структуру книги, направленную на погружение читателя в исторический контекст стран и культур Южной Азии: том состоит из трех разделов, озаглавленных “Современность”, “Колониализм” и “Средневековье”. Каждый из разделов предваряют вводные статьи, написанные ответственным редактором тома Е.Ю. Ваниной и задающие общий “настрой” всему последующему материалу: к первому разделу – “Конформисты и радикалы в современных медиа” (с. 107–121), ко второму – “Прогрессисты и консерваторы в колониальной печати” (с. 409–423), к третьему – “Добро и зло в средневековых манускриптах”. Данные тексты, с одной стороны, являются вполне самостоятельными научными статьями, а с другой – живо и увлекательно вводят в основную проблематику следующих за ними работ, частично указывая на “интригу” дальнейших сюжетов раздела.

Четвертый том “Хула и хвала” традиционно открывается вступительной статьей И.П. Глушковой “О проекте “Под небом Южной Азии”” (с. 8–38). В отличие от вступлений к предыдущим томам оно носит более личный характер, поскольку в значительной степени посвящено памяти Александра Михайловича Кадакина (1949–2017), который с 2009 г. до своей смерти был Чрезвычайным и Полномочным Послом Российской Федерации в Республике Индии.

Следующая статья, написанная Е.Ю. Ваниной, “Хула и хвала: коммуникативные действия как точка пересечения гуманитарных дисциплин” (с. 40–64), задает теоретическое и методологическое направление всему тому. Автор, будучи профессиональным индологом, т.е. специалистом в довольно узкой области, столь же профессионально встраивает индийский материал в контекст современных теорий коммуникации. Модусы хвалы и хулы, обозначенные как “слово и дело”, рассматриваются в различных аспектах, чтобы ответить на вопросы: что, как, кто, кого, за что и зачем. И даже отсутствие упоминания основополагающей для данной проблематики работы “Невербальная семиотика” Г.Е. Крейдлина, опубликованной в 2002 г. в “Новом литературном обозрении”, не портит общего впечатления от статьи.

Вводный раздел завершается небольшим словарем “Инвектива и комплимент на различных языках Южной Азии” (с. 63–104). Материал хвалы и хулы представлен на языках хинди, бенгальском, тамильском и непальском по позициям: 1) рождение, происхождение, семья; 2) физиология, внешность, здоровье; 3) сексуальная жизнь, брак; 4) занятие, профессия, социальный статус; 5) поведение, характер, “моральный облик”; 6) “свой–чужой”. В предисловии к словарю Е.Ю. Ванина оговорила, что представленные списки наиболее употребительных слов

⁴Этот прием был использован в книге, которую можно рассматривать как “пилотную” версию всего проекта “Под небом Южной Азии”, – “Смерть в Махараштре. Воображение, восприятие, воплощение” / Рук. проекта и науч. ред. И. П. Глушкова. М.: Наталис, 2012. 816 с.

и выражений составлены на основе опроса российских индологов и русистов, выходцев из стран Южной Азии (с. 67–68). Цель подобного опроса – представить читателям живые разговорные языки и реальное словоупотребление. И по прочтении словаря читатель, несомненно, такое представление получает. Правда, также возникают и вопросы к составителям.

Первый и самый принципиальный: почему в данные списки не включены наиболее обscene варианты? Ответственный редактор в сноске (с. 68, примеч. 9) отмечает данное обстоятельство, но никакого объяснения этому не дает. Однако подобная “стыдливость” непонятна именно с научной точки зрения. Если это научное издание (а именно так обозначен жанр данной книги), рассчитанное на специалистов в первую очередь, а не книжка для детей, тогда недопустимо пропускать столь значимое языковое и культурное явление, как обscene лексика. Ведь был же опубликован В.С. Елистратовым “Словарь русского арго” (М.: Русские словари, 2000), и автор, уважаемый филолог-лексикограф, не краснел и не прятался за псевдонаучной стыдливостью.

Второй вопрос, который возникает в связи с представленными списками: почему именно эти слова включены, а другие, куда более общеупотребительные, пропущены? Так, в разделе “хула” на хинди отсутствует очень ходовое слово *khaḍūs* – “вредина”, “задавала”. Оно встречается и в современной разговорной речи (так иногда характеризуют вредного соседа, не идущего на уступки в каком-то вопросе), и в современном болливудском кинематографе (см. [http://www.bollymeaning.com/2016/01/sala-khadoos-meaning.html]).

Раздел “хвала” умалчивает о слове *didi* – “старшая сестра”, используемом уважительно по отношению почти к любой женщине. А вот в бенгальском разделе оно присутствует (с. 83). Еще одним недостатком списков выступает отсутствие каких бы ни то ни было пояснений некоторых культурных реалий, которые непонятны читателю. Например, почему сова является символом глупости (с. 73). Любый образованный европейский читатель при слове “сова” вспоминает о том, что на Западе сова считается символом мудрости (сова Афины), или фразу Гегеля из предисловия к “Философии права” (М.: Изд-во “Мысль”, 1990, с. 56): “Сова Минервы начинает свой полет лишь с наступлением сумерек”. Что не так с индийской совой? А с коровой и быком – обратная ситуация. Индологи привыкли считать, что все связанное с коровой и быком в Индии понимается как благое, замечательное и т.п., а вот на Шри-Ланке слова *gavarā* и *eladena*, букв. “бык” и “корова” соответственно, используются для обозначения тупого и глупого человека (с. 92). У русского читателя всплывает в памяти фраза Некрасова из школьного курса литературы “Мужик что бык: Втемяшится в башку какая блажь – Колом ее оттудова Не выбьешь...”. Иными словами, отсутствие необходимых объяснений ведет к непониманию.

Раздел “Современность” (помимо вышеупомянутой статьи Е.Ю. Ваниной) открывается самой теоретической статьей тома – “Топография личности: хвала и эмоции в индусской Индии” Арджуна Аппадурай (с. 122–145). Автор поставил перед собой задачу “показать, что хвала в индусской Индии управляется закономерностями культурно-специфической и общепринятой деятельности, подобно многим другим языковым актам...”. Он пишет: “...хвала... является организованной импровизационной практикой и зависит от конкретной топографии личности, что определяет способ публичного выражения” (с. 123). А. Аппадурай в своем исследовании генеалогии хвалы опирается на анализ знакомых каждому индологу понятий и практик жанровых восхвалений – *стотра* и *прашастхи*, а также обращается к рассмотрению взаимоотношений патрона и зависимого от него человека с “добровольно-обязательной” в современном индийском контексте похвалой и лестью. Неожиданно, но логично А. Аппадурай привлекает для объяснения выражения эмоций в современной Индии классическую теорию *расы* в версии, сформулированной в XI в. кашмирским философом-шиваитом Абхинавагуптой и изложенной в этнопсихологических терминах XX в. Э. Джероу. Тем самым он вполне убедительно демонстрирует неочевидную связь между отвлеченной рафинированной теорией далекого средневековья и нынешней повседневностью.

Эмоционально насыщенная (а местами и вызывающая чувство пресыщения) большая статья И.П. Глушковой “Вербальное непотребство как культурный код творческой элиты Махараштры (XX век)” (с. 146–191) знакомит читателя с совершенно новым материалом, представляющим индийскую версию истории о том, “как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем”. Захватывающие подробности словесных баталий интеллектуалов Махараштры середины XX в., изложенные живо и сочно, производят сильное впечатление. Однако по мере чтения возникает вопрос (правда, скорее попутный и не относящийся к сути рассматриваемых тем): если даже представители элиты в письменной речи позволяют себе столь уничижительные

для соперника выражения, а полемика ведется и вовсе недопустимыми методами, то как же тогда спорят между собой все остальные. Безусловно, исторический и лексический материал выбран с учетом тематики тома, но колоритные фигуры творческой интеллигенции маратхов не вызывают желания познакомиться с ними поближе, если бы такая возможность представилась. А ведь И.П. Глушкова пишет о них с нескрываемой огромной симпатией...

Яркая зарисовка А.В. Бочковской “Диалоги патриотов – во славу родины, на страх врагам” (с. 194–211) посвящена ежевечернему ритуалу, происходящему на границе между Индией и Пакистаном в районе пропускного пункта Аттари-Вага, – церемонии спуска государственных флагов обеих стран. Отточенными синхронными движениями пехотинцы пограничных войск, сопровождаемые скандируемыми зрителями на трибунах лозунгами, словно воссоздают историю сложных взаимоотношений Индии и Пакистана и отсылают к идеологическим разногласиям. Перформативный “диалог” выступает еще одной формой выражения эмоций, понимаемой как “переключка, в которой каждая сторона воспекает собственную страну, тем самым косвенно напоминая о совместном прошлом, а также предупреждая, что о мирном соседстве пока что приходится только мечтать” (с. 209).

Составляющие единый блок статьи А.И. Захарова “Самопиар стран и впечатления туристов (опыт Бутана, Непала и Мальдивов)” (с. 212–248), С. Хаттотуве и Р. Викремесинхе “Голосование с ненавистью. Исследование языка вражды в сети Facebook в контексте парламентских выборов 2015 г. на Шри-Ланке” (с. 249–296) и А. Сигорского “Героизация и демонизация: языковые средства политической пропаганды (анализ четырех публицистических текстов)” (с. 297–314) посвящены изучению различных аспектов языка восхваления и порицания в современном туристическом и политическом дискурсе стран Южной Азии.

С новым интересным материалом знакомит небольшой диптих Е.Ю. Ваниной “Плакатное искусство университетского кампуса – визуальная и вербальная критика” (с. 315–335) и “Бесчестная бригада (диатрибы пакистанских музыкантов)” (с. 336–342) о молодежной субкультуре, представленной плакатом и песнями рок-группы. Первая часть диптиха анализирует смыслы образов и текстовых надписей “граффити” университета им. Джавахарлала Неру в Дели, со времени основания в 1969 г. социально и политически ангажированного заведения, чья бурная общественная жизнь находит свое непосредственное и наглядное выражение на стенах зданий кампуса. Используемые в политической риторике столичного индийского университета плакаты оказываются связующим моментом и в жанре словесно-музыкальной инвективы, которая, по мнению Е.Ю. Ваниной, присуща пакистанской рок-группе под названием “Бесчестная бригада”. Эта группа привлекла к себе внимание тем, что вместо «любовно-киношной “попсы” стала исполнять песни, бичующие негативные стороны жизни и политики в Пакистане» (с. 336).

Большую популярность группы Е.Ю. Ванина объясняет простенькими текстами и провокационным стилем с демонстрируемыми во время исполнения плакатами, извещающими о скорой смерти исполнителей. Автор отмечает и незамысловатость мелодии, молодежный сленг, стеб, временами отвлеченную критику и т.п., приводя в статье перевод и подробный комментарий всех аллюзий, используемых в текстах “Бесчестной бригады”.

Однако в популярности рок-группы есть аспект, который в рассуждениях Е.Ю. Ваниной несколько смазан. Самые известные композиции рок-группы – не только социальная и политическая инвектива, но и пародия на различные виды крайне популярных в Индии и Пакистане песен: свадебную (это Е.Ю. Ванина отмечает), лирико-романтическую и клубно-танцевальную. Так, первая композиция, после которой музыканты стали знамениты, “Картошка и яйца” (*Aloo andey*), исполняется в жанре танцевальной песни. Несоответствие танцевальных ритмов и текста, поносящего пакистанскую политику, только усиливает ситуацию разрыва шаблона...

Музыкальное сопровождение песни “Игра денег” (*Paise ki game*) – лирическая композиция. Если не вслушиваться и/или не вчитываться в слова клипа, а обращать внимание только на музыку и смотреть на лицо главного действующего лица, возникает полная иллюзия типично болливудской/лолливудской⁵ мелодрамы: герой вспоминает о своей возлюбленной и поет о своей любви к ней... Используется даже слово *prem* – “любовь”, хотя текст полностью противоречит представляемой картинке: слащаво-романтическим голосом, мечтательно закатывая глаза к небу, певец мелодично выпевает жесткий текст о власти денег, покупке американских

⁵Лолливуд – синоним киноиндустрии пакистанского города Лахор. Часто используется для обозначения всего пакистанского кино.

истребителей и подводных лодок, долгах Всемирному банку, коррупции и некомпетентности. И “любовь” – это “любовь” США, которая также является всего лишь “игрой денег”.

Сходным образом обстоит дело и со “свадебной” песней “Дхинак, дхинак”: медово тягучая в стиле суфийских песнопений, томно воспевающих возлюбленного/ую, композиция словесно (не музыкально!) обрушивается с критикой на пакистанскую армию и ее генералов... Несмотря на то что песни “Бесчестной бригады”, как пишет Е.Ю. Ванина, не являются сатирой в собственном смысле этого слова и “бичуемое социально-политическое зло не высмеивается, а просто называется в числе других” (с. 341), тем не менее это любопытное явление заслуживает внимания в контексте исследования механизмов и средств выражения порицания/хулы.

Статья «“Богохульства”: средневековые воззрения в современной социально-политической практике (Пакистан, Бангладеш, Мальдивы)» Е. Ваниной и Е. Волгиной (с. 348–378) обращает к теме, ставшей в последние десятилетия чрезвычайно актуальной не только в Южной Азии. Похоже, тема “богохульства” будет волновать широкую общественность еще долго. Опыт и вклад Пакистана в преследование тех, кто каким-то образом выражает вербальную или невербальную небрежность в отношении Мухаммеда, Корана или высказывает сомнения в их святости и т.д., обширен. А в условиях роста численности интернет-пользователей борьба с “богохульством” вышла на новый уровень: теперь составляются мартирологи и блогеров-вольнодумцев. Исламские фундаменталисты, активно набирающие силу в мусульманских странах Южной Азии, становятся главными борцами против светски настроенной образованной части современного общества, и это противостояние усугубляется.

Оборотной стороной безудержных обвинений во всевозможных пороках “богохульников”, “чужих”, инакомыслящих и т.п. выступает столь же безудержное восхваление “своих”, рассматриваемое Е. Семеновой в статье ““Полной ложкой”. Подхалимаж как форма политической жизни” (с. 379–398) и иллюстрируемое следующими за статьей стихами Х. Биндала, М. Шривастава и Р. Сийяра (с. 399–406). Лесть выступает традиционной формой обращения к власти имущим, в Индии же она приобретает гипертрофированные формы с учетом кастовой иерархии, локальных религиозных представлений и исторически сложившихся форм и практик, проявляющихся в виде *чамчагири* – подхалимажа. Е. Семенова приводит яркие примеры этого явления из политической жизни современной Индии в отношении наиболее влиятельных фигур – нынешнего премьер-министра страны Н. Моди и представителей клана Неру–Ганди. Однако можно утверждать, что подобные стратегии подхалимажа имеют в Индии почти универсальный характер и применяются на любом уровне человеческих взаимоотношений, для которых характерна дихотомия “высший–низший”.

Статья Е.Ю. Ваниной из раздела “Колониализм” «“Посланник” и другие: английские дебаты о миссионерах в Индии (начало XIX в.)» (с. 423–441) обращается к теме распространения и проповеди христианства на территории Индийского субконтинента, в частности в бенгальском городе Срирамपुरе (более известном в Европе как Серампур). На примере текста “Посланник с благой вестью”, представляющего собой рукопись воззвания миссионеров из Серампура к населению Индии с призывом принять христианство, Е.Ю. Ванина показывает, как проповедники христианства, используя рекламную стратегию продвижения товара, восхваляли “великую шастру”, под которой они понимали учение Христа. Принимая, а зачастую и просто нося индуизм как “неправильную” и “аморальную” религию, серампурские миссионеры своей деятельностью вызвали осуждение среди британских колониальных чиновников и офицеров. Сложившуюся ситуацию вокруг памфлета индолог справедливо рассматривает “в более широком контексте полемики, развернувшейся в начале XIX в. между ориенталистами и утилитаристами (евангелистами), или индофилами и индофобами” (с. 436). Не вызывает никаких сомнений, что эти дебаты, развернувшись в полную силу почти два столетия назад, не потеряли актуальности по настоящее время: индийское общество по-прежнему волнует проблема правомочности деятельности христианских миссионеров различных деноминаций на территории Индии; проповедники все так же прибегают к рекламным трюкам, восхваляя собственный “продукт”, но, возможно, аргументация с обеих сторон стала чуть тоньше. Анализ конкретных примеров подобной риторики времен Британской империи показывает, что с тех времен мало что изменилось и по сей день для “улучшения” Индии используются “любые коммуникативные стратегии: от примитивной “рекламы” до утонченных полемических приемов” (с. 441).

Одному из способов воздействия колониальных властей на местное население и распространения британского влияния посвящена статья С.Е. Сидоровой “Британские расшаркивания, или как обрести союзников (на примере Хайдарабадского княжества)” (с. 442–487). Автор

рассказывает о том, как британцы, “обретшие к середине XIX в. положение верховных правителей Индостана, использовали для этого целый набор парадных поощрительных знаков отличия”, что было особенно актуально “при выстраивании отношений с теми, кто проживал на территории формально независимых княжеств, где инструменты влияния у колонизаторов были до некоторой степени ограничены” (с. 442–443). С.Е. Сидорова обстоятельно разбирает вопрос о видах и способах награждения и поощрения, к которым прибегали британские власти в Хайдарабадском княжестве, на примере салютов и орденов. Автор статьи знакомит читателя с увлекательными сюжетами о сложной системе расшаркиваний и обласкиваний местных жителей, но при этом показывает, что “за блеском и пышностью орденов, салютов, титулов и наград скрывалась система жесткой иерархии, торга, компенсаторных практик и вопреки громким заявлениям зачастую неэквивалентного обмена” (с. 485).

Единственным недостатком (или досадной небрежностью) в остальном очень качественно и добросовестно написанного текста С. Сидоровой является фраза «Вероятно, эти же причины привели к отказу от первоначального девиза “Слава Господу, мир на земле, добрая воля к людям” (Glory to God, peace on earth and goodwill towards men)» (с. 457). Это написано в контексте рассуждения о замене формы креста на звезду награды “Звезда Индии”. Очевидно, автор не опознала (или не посчитала нужным) в приведенной фразе, названной здесь “девизом”, общеизвестную цитату из Евангелия от Луки (2.14): “*Сла́ва в вы́шних Бо́гу, и на землі мир, в челове́цех благоволе́ние*” (совр. “Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение”), которая включается в Великое Славословие (входит в состав праздничной утвари). Конечно, из этой фразы не следует, что С.Е. Сидорова не читала Евангелие от Луки, но указать происхождение “девиза” стоило.

Своеобразный case-study, отнесенный к XIX в., представляет собой статья Е.Ю. Карачковой “Из протоколов джайпурского суда: полемические приемы в защитительных речах обвиняемых” (с. 488–506). Здесь автор анализирует формы проявления хулы и хвалы, к которым прибегали обвиняемые в организации заговора джайны во время судебных прений на процессе в столице Джайпурского княжества в 1836 г. Рассматривая эту ситуацию в контексте межкультурной коммуникации (поскольку судьями были британцы, а ответчиками – жители Раджастхана), Е.Ю. Карачкова задается вполне резонными вопросами: “Насколько убедительными в глазах британцев были доводы обвиняемых с точки зрения логики – рационального аспекта и риторики – экспрессивно-эмоционального аспекта их речей? Возымели ли желаемое действие их полемические приемы, в частности хула и хвала?” (с. 489). Анализ протоколов судебных заседаний приводит индолога к неутешительному выводу: противоборствующие стороны не услышали друг друга. Чересчур откровенная для европейского уха лесть, упреки в предвзятости, необидительные обвинения в нарушении английской стороной принципов отношений “вассал–сюзерен”, чрезмерно эмоциональная (читай: непристойная для британцев) манера поведения в суде послужили причиной того, что коммуникативная стратегия обвиняемых оказалась провальной: они были приговорены к смертной казни через повешение. Хотя для главных “героев” данного сюжета приговор в последний момент был заменен пожизненным заключением в ссылке, этот судебный процесс наглядно демонстрирует, что зачастую Тютчевский вопрос “Другому как понять тебя?” является вопросом жизни и смерти. И не в переносном смысле.

Следом за небольшой зарисовкой XIX в. Сайида Ахмад-хана «“Достойные люди” и “дикие животные” (из “Путешествия в Лондон”))» сравнительного характера о культурном превосходстве англичан перед индийцами (с. 507–513) идет статья С.Е. Сидоровой “Мертвые живым: образ идеального колонизатора на мемориальных плитах” (с. 514–539), в которой анализируются эпиграфы XVIII–XIX вв. церкви св. Фомы в Мумбаи. Автор демонстрирует, что памятные надписи, славословия в адрес почивших выступают не просто данью уважения к ним членов их семей или сослуживцев, но представляют собой способ конструирования образа “славного поколения и славной эпохи, в которую жили храбрые воины, честные чиновники, самоотверженные исследователи и ученые, истовые христиане, пришедшие на земли Индостана, чтобы принести мир, счастье и благоденствие местному населению” (с. 538). Читая панегирики усопшим, нельзя не согласиться с С.Е. Сидоровой, что они “отбеливали темные или спорные пятна в историческом прошлом бывшей метрополии” (там же). Что ж, даже в посмертном своем существовании британцы продолжали нести “бремя белого человека”, выступая в качестве идеального/идеализированного образа колонизатора – человека высоких нравственных и культурных качеств.

Статья “Дуэт националистов: восславить прошлое, заклеить настоящее – ради будущего” Е.Ю. Ваниной и Л.А. Васильевой (с. 540–560) обращается к теме индусско-мусульманского национального пробуждения в поэмах двух индийских авторов – “Приливы и отливы ислама” Алтафа Хусейна Хали (1837–1914) и “Голос Индии” Майтхилишараны Гупты (1886–1964). Основной посыл обоих сочинений – восхваление прошлого и осуждение настоящего. Принадлежит к разным религиозным общинам, но будучи сынами одной страны, оба поэта сходным образом воспевают славные достижения и нравственные качества арабов и ариев соответственно и почти так же единодушно обвиняют современников-единоверцев. Оказывается, что мусульманам и индусам присущи одни и те же пороки: презрение к труду, тщеславие, мотовство, невежество и т.п. “Филиппики” в адрес современников Хали и Гупты служат единой цели – выработке стратегии будущего. И здесь проявляется главное различие: Хали видит будущее в распространении образования, отказе элиты от лени и приобщении ее к труду, религиозной терпимости и патриотизме, тогда как Гупта призывает индусов поверить в собственные силы, возродить боевой дух и традиционные ценности, восстановить утраченное величие. В такой перспективе Хали представляется большим прогрессистом, но идеалом ему виделась “мусульмане вне Индии”. М. Гупта же воспевал “Индию без мусульман”. Последующая история Индии показала, к чему привело такое размежевание.

Статья А.А. Новиковой «“Открытие Индии” – хвалебная песнь или беспристрастный очерк» (с. 561–587) посвящена анализу категорий хулы и хвалы, используемых в широко известном, переведенном на русский язык сочинении Джавахарлала Неру. А.А. Новикова кратко пересказывает основные идеи “Открытия Индии”, расставляя акценты и подчеркивая то, что вписывается в основную тематику четвертого тома проекта “Под небом Южной Азии”. Причем делает это дважды – при изложении содержания сочинения Дж. Неру и затем в виде сводной таблицы (с. 577–584). Видимо, для тех, кто не усвоил это из вышеизложенного материала. Единственное отличие таблицы от предшествующего текста – наличие английских слов и выражений. Само произведение индийского общественного деятеля, без сомнения, вполне достойно изучения и может быть проанализировано с разных точек зрения и в контексте самых неожиданных исследовательских запросов и подходов, однако в данном случае ничего нового и интересного не получилось, кроме скучного пересказа общеизвестных сюжетов.

Вслед за небольшими переводными текстами, написанными в жанре фельетона – “Сатирические портреты” В. Али Кидваи (Бамбуке) (с. 588–599) и “Письмо из рая от предков потомкам-рабам” Рама Нараяна Агравала (Мастана) (с. 600–605), – идет большой “маратхский триптих” И.П. Глушковой: “Ориенталистский конструкт идеального правителя, или колониальные дифирамбы в честь Ахилья-баи Холкар” (с. 606–641), “От “худшего” к “лучшему”: методики понижения и повышения статусного ранга (дхарский коллаж)” (с. 642–683) и “Коммуникативный разлом, или масштабы социального дисбаланса в историческом портретировании (индорский case-study)” (с. 684–717). В последнюю часть триптиха в качестве вводной части включаются «Некоторые представления о жизни махараджи. [Биографический очерк Тукоджи-рава Холкара III, махараджи Индора. С портретами]» М.К. Карника.

Первая составляющая коллажа, как это явствует из названия, рассказывает об Ахилья-баи, невестке Махлар-рава Холкара, военачальника периода Маратхской конфедерации. А точнее – о том, как ее образ претерпевает значительную трансформацию в процессе создания общенационального мифа, начиная с XIX в., когда ею заинтересовалась английская поэтесса и драматург Джоанна Бэйли (1762–1851), и заканчивая современной Википедией, именующей Ахилья-баи “махарани” и “королевой”. История “восхождения на трон” именно образа описывается И. Глушковой почти как детектив – захватывающая интрига, неожиданные повороты сюжета, неизвестные ранее детали и т.п. Автор показывает, как складывается ориенталистский конструкт идеализированного “образа власти”. А «навязанная ориенталистским восприятием “королевскость” оказалась не только непререкаемым аргументом при коммуникации идеальной модели, но и стратегическим приемом для тех, кто укрепляет собственный имидж дифирамбами “безупречному монарху»» (с. 633). Подобная стратегия, кстати сказать, используется не только под небом Южной Азии: она носит общечеловеческий характер, чему мы являемся свидетелями.

Увлекательные истории с участием особ королевской крови оказались в центре внимания и двух других частей “маратхского триптиха”. Нет смысла их пересказывать, можно только отослать читателя к соответствующим страницам книги.

Последний раздел тома, озаглавленный “Средневековье”, включает статьи, которые охватывают тематику взаимной неприязни, поэтику индусского мироустройства и проблему соотношения должного и недолжного в тамильской поэзии. Противопоставление “своих”/“правоверны” и “чужих”/“неверных” прослеживается в двух статьях Е.Ю. Ваниной «“Нечестивцы” и “благороднейшие” – глазами индийских мусульман (Северная Индия, XIV век)» (с. 736–745) и «“Кровожадный тюрк” и “защитник дхармы” – глазами индусов (Северная Индия, XIII – начало XVIII в.)» (с. 746–764), которые можно рассматривать как две стороны религиозной ситуации на территории Индостана. По замечанию автора, те и другие «ощущали существовавшие между ними различия, испытывали по поводу друг друга многообразные эмоции и выражали их в той или иной вербальной форме, конфликтовали, устанавливали неписанные правила сосуществования, постепенно “притирались” друг к другу, так что “другие” становились естественной и нормальной частью социального бытия и при появлении новых мигрантов ощущали себя “коренными”» (с. 746). Формы проявления положительных и отрицательных эмоций с обеих сторон и стали предметом анализа Е.Ю. Ваниной, посредством которого она разбирает различные стадии такого взаимодействия: знакомство и отторжение, раздражение и привыкание и, наконец, адаптация и индивидуализация. Этот непростой процесс поиска способов сосуществования индусов и мусульман, начавшийся в полной мере в XII в., продолжается и по сей день.

Статьи тамильского “цикла” представляют собой традиционно добротные тексты с вполне привычным для отечественной индологии анализом произведений шиваитов применительно к основной теме хулы и хвалы. Это «Семантика самоуничтожения и восхваления в падигаме Сундарара “Собрание [стихов] о святых рабах [бога]”» О.П. Вечериной (с. 811–831), «“Праведные” и “дурные” люди в поэзии тамильских шиваитов (по гимнам Самбандара)» М.Б. Павловой (с. 832–853) и “Эволюция мотива авторского самоуничтожения в тамильской литературе” А.М. Дубянского (с. 854–874).

Единственное, что вызывает некоторое недоумение, – работа М.Б. Павловой. Автор пишет о том, как противостояние приверженцев джайнизма, буддизма и брахманского индуизма нашло отражение “в творчестве одного из самых известных поэтов-святых (*наянаров*) – Самбандара (VII в.), которому традиции отводит главную роль в установлении брахманского индуизма на тамильской земле и гимны которого особенно щедры на хулу в адрес его религиозных противников” (с. 834–835). Все, что касается тамильских текстов, М.Б. Павлова вполне добросовестно и подробно излагает, приводя необходимые разъяснения по ходу рассуждения. И ссылается на соответствующую научную литературу, где те или иные аспекты затрагиваемых ею в статье представлений изложены более обстоятельно и аргументированно (с. 834). А когда дело касается буддизма или джайнизма, то тут автор даже не считает нужным сослаться хоть на что-то или кого-то, будь то отечественные или зарубежные индологи, словно эти течения не исследованы вовсе. А нужда в дополнительных ссылках и пояснениях имеется, поскольку Самбандар зачастую обвиняет своих религиозных противников в том, в чем они по определению не могли быть виновны. Так, на с. 845 говорится, что джайны питаются “нечистой” для *бхактов* рыбой. Наличается сноск, почему для *бхактов* рыба является нечистой – в силу строгого вегетарианства брахманского окружения Самбандара. Однако всякий, кто хоть мало-мальски знаком с джайнским учением и самими джайнами, осведомлен, что в джайнизме существует строгий запрет на употребление рыбы. Откуда у Самбандара такая инвектива? Существовала какая-то особая, сугубо тамильская джайнская “практика”? Никакими объяснениями автор себя не утруждает.

Ранее М.Б. Павлова высказывает предположение, что «хула в адрес “врагов” у Самбандара действительно могла быть во многом спровоцирована их собственным агрессивным поведением по отношению к *бхактам*» (с. 844). Из чего это следует? Какие исторические факты (понятно, кроме обвинений и выпадов самого *наянара*) дают возможность сделать такое заключение? Исследовательница принимает все обвинения тамильского шиваита в адрес буддистов и джайнов за чистую монету, даже не пытаясь хоть сколько-нибудь отстраниться от позиции своего “героя” и посмотреть на его тексты не как на “репортаж с места событий”, а как на сочинения, которые являются формой и способом конструирования собственной идентичности шиваитов в рамках идеологически ангажированной позиции. На эту тему (именно в связи с противостоянием

джайнов и шиваитов) были опубликованы работы известных тамилстов и индологов И. Петерсон, Л. Орт и Р. Дэвиса, с которыми неплохо бы ознакомиться и М.Б. Павловой⁶.

“Хула и хвала”, как и предыдущие тома, включает в себя Глоссарий (с. 895–903). Но он должен быть составлен более тщательно, ибо отбор терминов и пояснение к ним вызывают вопросы. Например, что за необходимость была включать в Глоссарий название блюда *сарсон-ка-саг*, упомянутого в книге лишь однажды (с. 224)? При этом на самой странице в примечании 18 приводится полное разъяснение. А вот упомянутый на соседней странице (с. 225) экипаж *тонга* в Глоссарий почему-то не включен. Определения некоторых терминов, данных в Глоссарии, мягко говоря, не совсем верны (см. *тантра* и *стотра* – с. 901–902).

Есть еще одно обстоятельство, на которое хотелось бы обратить внимание, – впечатляюще незначительное для такого масштабного (и в смысле количества страниц, и в смысле разнородных по жанру текстов) издания число опечаток и технических недосмотров. Так, в списке слов на языке хинди (с. 74) отсутствует написание слова *kañjūs* шрифтом деванагари, а далее (с. 76) первые буквы в слове *mleccha* на деванагари написаны раздельно, а не в виде лигатуры, как это должно быть. Во вводной статье Е.Ю. Ваниной “Добро и зло в средневековых манускриптах” (с. 721–735) наблюдается непонятное (хотя и еле заметное) выделение букв ś, ṣ и ḥ в транслитерации (с. 729–731). Вот, пожалуй, и все. Очевидно, что здесь заслуга не только ответственного редактора тома, но и всей команды издательства “Восточная литература”.

Несмотря на ряд выше высказанных замечаний, том “Хула и хвала” поистине замечательного, во многом новаторского проекта “Под небом Южной Азии” представляет собой достойную самого широкого читательского интереса книгу. А нам остается только ждать новых томов серии. Продолжение следует...

---

⁶Эти работы изданы в сборнике *Open Boundaries: Jain Communities and Cultures in Indian History* / Ed. by John E. Cort. Delhi: Sri Satguru Publication, 1999. P. 163–224. Книга находится в открытом доступе в Интернете. На русском была опубликована статья: Железнова Н.А. Джайны в Тамилнаде: чужие среди своих, свои среди чужих // *Tamil ianta paricu. Orientalia at Classica*. Труды Института восточных культур и античности. Вып. LXIII. В честь 75-летия А.М. Дубянского. М.: РГГУ, 2016. С. 270–284. Самое любопытное, что этот сборник статей у М.Б. Павловой имеется, поскольку она в нем участвовала. Как говорил М. Горький, “Любите книгу – источник знаний!”.